

*Известному поэту, шахтёру Дмитрию
Петровичу Клёстову – 75 лет. Поздравляем с
юбилеем! Верим в Ваш талант. Здоровья, творче-
ских сил!*

** * **

*На большом именитом концерте,
На галёрке, танцует чудак.
Парни ржут, как безрогие черти,
У виска кто-то пальчиком вертит,
Он круги примитивные чертит
Современному шлягеру в такт.*

*Я пытаюсь к нему приглядеться,
Поэтическим взвесить умом:
То ли впал в босоногое детство,
То ли гены дурного наследства,
Или это от чистого сердца,
Или дьявол беснуется в нём?!*

*Пасторальная сказочка Грина
Или гоголевский шабаш?
Или вовсе другая причина...
Так кривляться достойно и чинно
Может истинный комик без грима,
Заходя в удивительный раж.*

*На челе червоточина шрама,
В синих крапинках впалая грудь.
Это же не семейная драма,
Не тавро спекулянтского клана,
Не с разборок бандитская рана –
Сквозь чистилище пройденный путь.
Видел я разномастных изгоев:*

33

*Пьяниц, прочих бомжей и калек,
Тунеядцев, братков и героев
С бывших фабрик и брошенных строек,
Из халуп и боярских покоев,
Оседлавших теперешний век.*

*Буду я положительным сводней,
Ни себе, ни знакомым в укор:
На галёрке танцует сегодня
Возвратившийся из преисподней,
Удостоенный славы господней
Наш советский шахтёр!*

** * **

*Найду счастливый гривенник,
И тотчас всё исполнится:
Я буду видеть, чувствовать,
Всё зная наперёд...
Звонарь с красивым именем
С высокой гулкой звонницы
Рассыпчатыми звонами
К заутрене зовёт.*

*А кто-то спешно бреется,
А кто-то вяло мылится,
А кто-то водкой горькою
Уже поганит рот.
Идёт в луга альпийские
Удойная кормилица,
Она не только гривенник –
Полтинник принесёт.*

А вслед за ней подпаском я
Иду тропинкой росною,
Звонарь с красивым именем
Мне аллилуйю шлёт...
Довольно тешить сказками:
Ведь это у киоска – я,
Нашёл счастливый гривенник
И вот – поганю рот.

АРАПЧОНОК

Я держу на ладонях
Чернокожего братца,
Прижимаю к груди,
Воздымаю в лазурное
Небушко...

Бедуинка не ропщет,
Зачем волноваться:
Не сурочит его
Белобрысый и
Ласковый дедушка.

Мироточат глаза –
Маслянистые финики,
Пахнут кудри елеем,
Резедой и сибирским
Воробышком.
И откуда у вас,
Побратимы-пустынники,
Несказанное это,
Незакатное солнышко?

На ладонях больших
Мужика-волхователя
Ни одна сатана не коснётся
Прекрасного личика.
Будь спокоен, малыш,
Ведь тебя обязательно
Будут люди любить
И талантище твой
Возвеличивать.

* * *

Синь-тайга моя – с глазами,
В объективе каждый шаг...
«Ахтунг! Ахтунг! Партизанен!» –
Упреждающий аншлаг.

Вроде бы кусок фанеры,
А хранит сибирский лес:
Исчезают браконьеры,
Как лазутчики СС.

Гибнут в толях, мочажинах,
Без свидетелей причём.
То ли шорец с карабином,
То ли йети с батогом

Берегут мою округу,
Отчий дом и отчий кров.
Нынче чудь вела по кругу
Полицеев-холуёв.

Упокоила меж пнями,
Как безумного врага:
Синь-тайга моя – с глазами,
Православная тайга.

* * *

Отстегала колючими розгами
Вьюга-стужа любимые сосны
И усыпала снежными гроздьями,
Укротив свою дурость несносную.

Мы идём по волшебному кругу,
По тропинкам старинного бора,
Озаряем улыбкой друг друга,
Комплиментом, усмешкой, задором.

Незнакомки и наши знакомцы
Нам кивают небрежно и лестно:
Все мы пестованные питомцы
Непорочного русского леса.

Здесь царит несказанное братство,
Бор тому – круговая порука.
Слава богу, ещё улыбаться
Мы умеем, встречая друг друга.

* * *

Нынче небо и солнышко щедрые,
И душистая свежесть с утра...
Мы из шахты девчонку-маркшейдера
Подымаем с зарёй на-гора.

Обожжённые руки и личико
В сумасшедшем, кромешном аду.
Как теперь величать-возвеличивать
Вдруг погасшую нашу звезду?

Подземелье – ристалище гиблое,
И несчастьям не видно конца.
Ты сама эту долюшку выбрала
По стопам работяги-отца.

Нищета и разруха державная
На погибель бросают людей...
Покружись, моя муза бесправная,
Над шахтёрской сестрёнкой своей.

* * *

Мой заветный переулочек,
Дом с окошком на тайгу.
Одомашниваю курочек,
Их пасу и стерегу.

Эти клоны инкубатора
Да фабричного гнезда
Выражения крылатого
Не слышали никогда.

И ни семечка, ни зёрнышка
Чтоб в навозе отыскать –
Не умели наши золушки
Ни грести, ни загребать.

Петушок, в деревне купленный
И не пакостный совсем,
Знал в округе, как в облупленной,
Каждый уличный гарем.

Новизна обескуражила:
Столь неклёванных невест.
А потом облагораживал
Диким курочкам насест.

Бесприданницы увечные
На курином на веку
Привыкают к человеческому
И мужскому языку.

* * *

Макушка лета. Около полудня.
В истоме душевой замирает пруд.
Проказник-гром и молния-шалунья
Над водоёмом разыгрались вдруг.

На головы, на плечи многолюдья –
С холодным ветром ливень-озорник.
Сумятица. Веселье. Визг и Крик.
Макушка лета. Около полудня.

* * *

Только прилягут снега,
В лёгкой, дремотной неге
Веки смежит тайга,
Наши землячки-леди
В сверхзвуковой телеге
Ринутся на юга.

Горю, тоске и боли
Русью впряжённый «Боинг»
Враз наложил табу.
Бабы в небесном поле
Прячут стыдливо боязнь,
Вверив ему и Богу
Собственную судьбу.

Верные наши жёны,
Скупю блюдя законы
Дружественной страны,
В туники и хитоны
Будут облачены.
Но не позволят «рашей»
Пачкать отчизну свою.
Врежут по морде вражьей –
Знает пускай мусью.

